

Очаг

ПРОЛОГ

Если предполагать читателя для данной истории, то необходимо упомянуть, что "Очаг" является романом-символикой, в нём нет бесприкословного добра или абсолютного зла, хотя речь идёт о людях, к одним из которых возможно испытывать симпатию, что порою, по ходу повествования, совершенно немыслимо к другим. Упоминаемые персонажи живут в горячем воздухе частых войн и редкого мира, пытаются накормить своих детей и встретить следующее утро, защищают родных и себя, нанося при этом кому-то боль, постоянную или только однажды, оставляя раны и даже причиняя смерть, делая это от отчаяния, с умыслом или вынужденно, а порой под воздействием общей для всех человеческой природы, которая вполне могла бы считаться безусловным злом, если бы не включала в себя отдельные человеческие судьбы, многим из которых пришлось сделать по-настоящему страшный для себя или других выбор. Здесь нет плохих – есть обзлѐнные и поэтому ушедшие. Здесь нет хороших – только оставившие свой след.

ГЛАВА 1. Всадник у ворот

Казалось, что усталый конь подошёл к воротам Города по собственной воле, поскольку до самого последнего момента сидящий на нём всадник не сделал поводами ни одного направляющего или сдерживающего движения, слабо качаясь на спине лошади из стороны в сторону и склонив защищённую

массивным шлемом голову почти на грудь. Он крепко сидел в седле, хотя было очевидно, что дорога проделана нелёгкая – его доспехи покрывала прилипшая к металлу сухая трава и куски болотной грязи, а по крупу лошади серыми лентами переплетались полосы высохшего пота, также смешиваясь с грязными пятнами на истерзанных шпорами боках. Цвет попоны было невозможно разглядеть из-за впитавшейся в неё земли, а лошадиная грива свалилась в длинные струпья, болтающиеся, словно сосульки.

Конь приблизился к стоящему у входа караулу и остановился. Пути дальше не было. Один из караульных коротко окликнул незнакомца, внимательно оглядывая его – тёмная фигура рыцаря казалась неживой, прекратив раскачиваться в тот самый момент, когда лошадь окончательно остановилась. Окликнувший рыцаря стражник вплотную подошёл к устало стоящему коню и молча указал другим находящимся у ворот солдатам глубокие шрамы на лошадиных боках.

– Наш гость сильно торопился. Смотрите, как шпорами животное искромсал. Эй! – он резко выкрикнул, подняв голову к закрытому шлемом лицу.
– Ты живой там?

Не получив ответа, стражник хлопнул тяжёлой ладонью по бедру незнакомца, надеясь его разбудить. Находящийся по другую сторону охранник, заметив движение сидящей на лошади фигуры, что-то предостерегающе вскрикнул, но его выкрик опоздал, совпав с металлическим лязгом, с которым меч всадника вдруг вылетел из-под грязной попоны и упёрся в раскрытое забрало стоящего возле него стража.

– Ты чего?! Виселицу захотел? – стражник обескураженно отступил и меч прокорябал на его шлеме короткую блестящую полосу. – Запрещено законом направлять оружие на охрану города! Говори, кто такой!

– Не узнал того, кто твой город защищает? Я – Сигурд. Здесь находится мой дом.

Всадник говорил, не поднимая забрала, отчего его голос звучал глухо, словно из колодца.

– Ты – Сигурд Черноголовый?! – в голосе стражника появилась насмешка.

– Тебя не узнать в таком виде! Ни цвета, ни знаков различия – ничего не видно. Только... что должно было случиться с твоей головой, чтобы ты приехал сюда именно сейчас, перед завтрашним судом над твоей женой! Где же сердце твоё, рыцарь, сострадание к близким, если ты приезжаешь для того, чтобы и себя погубить, и смерть родных тебе людей мучительнее сделать! Хотя, за бывшие заслуги перед Городом, тебя вполне могут пощадить, если ты отречёшься от той, с кем так долго делил свою постель.

– Слишком много говоришь, солдат, – всадник наклонился вперёд, приподнимая забрало и показывая своё лицо. – Знаешь, почему меня называли Черноголовым? Спроси как-нибудь. Тебе наверняка скажут, что сердца у меня нет. Не поседел за все прошедшие войны, на что способен лишь бессердечный человек. Спроси, самое время, поскольку тебе, должно быть, уже известно, чем закончится суд. И не боишься за нарушение субординации сам пойти под трибунал. Но пока что я решаю вопросы безопасности Города. Поэтому пропусти. Иначе ударю.

– Простите, сир. Весь Город судачит. А я всего лишь его житель.

– Ты воин, прежде всего. А воину не пристало трепать языком. Не тебе судить о моей семье. Ты узнал меня, хорошо. Теперь пропусти. Мне нужно в Совет.

Караульный сделал знак рукой, и ворота со скрипом раскрылись, пропуская тяжело шагающего коня. Уже в спину проезжающей фигуре прозвучали негромкие слова, но так, чтобы всадник их всё-таки услышал:

– Мне жаль тебя, рыцарь. Красивая женщина, добрая служба, мудрое слово и сильная рука – таким тебя знают. Зря ты приехал. Отсиделся бы там, где был. Война многое прощает. А мне не хотелось бы стоять в оцеплении вокруг твоей плахи.

Всадник не сказал ни слова, продолжая своё движение через ворота, а стражник провожал его взглядом до тех пор, пока конная фигура не скрылась за изгибом дороги, ведущей к центру города. Обернувшись к стоящим возле ворот

солдатам, стражник сокрушённо поднял плечи и, коротко выругавшись, добавил раздражённым тоном:

– Собственно, меня самого могут наградить плетью уже за то, что я предупреждаю преступника о готовящейся казни.

Он снова махнул рукой, и ворота закрылись с глухим стуком, подняв с булыжной мостовой густую жёлтую пыль.

ГЛАВА 2. Письмо

Это письмо лежало прямо на дороге, шерстяной нитью привязанное к сломанной ноге неподвижной и, без всякого сомнения, мёртвой птицы, каких Пётр не видел в своей жизни никогда. Птичья голова походила на длинный голый череп, собственно, это и был длинный, узкий и голый череп, обтянутый тонкой жёлтой кожей, словно перчаткой, но лишь одно обстоятельство действительно сбивало с толку – на кожаной голове странного существа отсутствовали глаза, что придавало и без того неприятному птичьему трупу просто-таки отталкивающий вид.

– Откуда ты такое... глаза-то у тебя где? Должны же быть глазки... – бормотал Пётр, осторожно тыкая в слабо раздуваемые ветром чёрные перья напряжённо вытянутым пальцем. – Какой ужас. Наверное, из зоопарка улетела. Или улетело. А может, улетел. Письмо какое-то нёс. Или несло. Это же письмо, верно?

Письмо также выглядело не совсем привычно. Длинный серый конверт, не конверт даже, а странным образом сложенный лист плотной бумаги или пергамента, немного испачканный грязью и с мокрым краем. Пётр присел на корточки, чтобы отвязать скрученную шерстяную нитку, которой конверт был привязан к костлявой, сломанной в колене птичьей ноге, и через пару минут, негромко ругаясь и тяжело дыша, всё-таки победил два небольших шерстяных узелочка, выпрямившись с письмом в руках и напряжённо думая, что делать дальше.

Нерешительно повертев странное послание, Пётр потянул за приклеенный бумажный край и тот поддался легко, как будто ждал прикосновения. Тонкие нити размокшего тёмного клея протянулись вдоль человеческих пальцев и тут же опали, лопаясь прозрачными паутинками, а Петру вдруг стало немного странно, словно он не должен был открывать кем-то запечатанный конверт. Но он всё-таки открыл его и в ту же секунду почувствовал на лице движение воздуха, выходящего из серой бумажной глубины. Воздух был тёплым, горячим даже, с несколькими яркими искрами, едва не попавшими Петру в глаза. Конечно же, всё это ему просто показалось, но ощущение было таким осязаемым, что Пётр на секунду прикрыл веки. А когда снова открыл их, его правая рука уже вытягивала изнутри листок пожелтевшей бумаги, на которой мелким, красивым, хотя и не очень уверенным почерком было написано слово "Помоги". Ниже стояли два слегка покосившихся слова: "Дом Рыцаря", а совсем внизу находились непонятные цифры, прописанные тщательно, но совсем уже коряво.

– Странно, – пробормотал Пётр, поскольку это действительно выглядело необычно. – Кому здесь надо помочь?

Пётр знал, что такое Дом Рыцаря. Это здание являлось заброшенной достопримечательностью города, старой, опустевшей и потихоньку разрушающейся, но что было делать с бестолковым набором цифр и кому следовало помогать – об этом листок молчал, а сам Пётр из прочитанного не понял решительно ничего. Нет, конечно, можно попробовать набрать написанный номер на телефоне, но это представлялось заведомо глупым занятием – цифр было всего восемь.

Мысли у Петра разбегались по сторонам. Он в очередной раз посмотрел на птицу, затем на лежащее в ладонях письмо, после чего перевёл взгляд на жуткую костлявую голову.

– Надо же, какие письма на улице лежат... и птички... – он говорил вслух, почему-то оглядываясь вокруг и борясь с искушением всё-таки вытащить свой телефон и набрать номер прямо сейчас. – Нет, – снова сказал Пётр сам себе,

осматривая улицу в поисках лучшего направления к указанному в письме дому. – Это же просто ерунда! – твёрдо повторил он, в очередной раз почувствовав движение тёплого воздуха изнутри открытого конверта. – Сейчас я пойду и посмотрю, что там такое. А потом попробую позвонить. Или нет. И, кстати, – он погрозил пальцем лежащему птичьему телу, – о тебе, безглазый почтальон, я тоже позабочусь. Когда вернусь. Показать бы тебя надо... кому-нибудь. Глаза-то.

Возле птицы лежало острое, похожее на пластмассовую расчёску, перо, выпавшее из вывернутого крыла. Пётр поднял его, осмотрел со всех сторон и даже подул вдоль оживающих мягких краёв, любуясь выпуклым парусом почти фиолетового цвета, после чего вставил перо себе в петлицу пиджака, чтобы не потерять. Пользуясь подобранной здесь же газетой как перчаткой, Пётр отодвинул мёртвую птицу подальше от дорожной обочины и прикрыл её газетным листом, придавив бумагу по сторонам двумя камнями из раздолбанной временем мостовой.

– Полежи пока здесь. Место тут спокойное, почти никого не бывает, никуда не денешься, если кошки не съедят. Потом посмотрим. А сейчас к дому. Интересно же – кому там помощь нужна.

Пётр видел Дом Рыцаря неоднократно, много лет назад он жил в этом старом районе города, в котором, однако, уже в те времена практически по всем переулкам и дорожкам положили вполне современный асфальт. Тогда, в самый первый раз, ещё мальчишкой без особой цели блуждая по узким улицам и случайно оказавшись напротив странного, увитого растениями могучего деревянного строения, Пётр остановился с раскрытым ртом и заворожённо смотрел на то, что никак не ожидал здесь увидеть. Он таращился в похожие на сильные руки жилистые брёвна стен, жадно наблюдал за ставнями окон, напоминавшими закрытые глаза, и даже был не против войти в широкий проём массивной двери с набитыми поверх старого дерева коваными металлическими листами. Эта дверь выглядела, словно чей-то запечатанный рот, когда-то заходившийся в крике. Пётр вспомнил, как хотелось ему забраться внутрь этого

дома. Однако осуществить своё желание ему тогда не удалось. Ещё бы. Невозможно войти в дом, не ломая такие двери. Двери, которые сегодня были открыты.

Сначала он не поверил своим глазам. Но потом, присмотревшись, увидел щель между солидным косяком и дверным металлом. Удивлённо озираясь по сторонам, что на пустынной улице выглядело несколько глупо, Пётр шёл, высоко поднимая ноги, чтобы лучше рассмотреть необычные булыжники мостовой, выглядевшие так, как будто на дворе царствовал десятый, двенадцатый или, в крайнем случае, какой-нибудь другой век, но даже близко не тот, в каком по данной дороге именно сейчас осторожно передвигался молодой человек в красивом пиджаке и с птичьим пёрышком в петлице.

– Куда асфальт дели? Городские власти решили сделать здесь заповедник? Вот что значит совсем не интересоваться событиями города. Но мостовая... действительно... средневековые какое-то. Хотя сделали убедительно. Развалину бы ещё в порядок привели...

Он подошёл ко входу в дом, осторожно заглядывая в прохладную темноту. Темнота на самом деле была довольно промозглой, наполненной растворённой в воздухе влагой, как в остывшем за ночь парнике. Пётр отшатнулся, постоял какое-то время, размышляя, насколько его готовность созрела для проникновения в чужой дом, даже если это всего лишь разваливающийся музей. Принимая решение, он достал сигарету, чтобы его запаздывающая уверенность пришла быстрее. Но когда Пётр попробовал зажечь спичку, у него ничего не получилось – спички одна за другой просто шипели в руках, не давая огня. Раздражённо убрав спичечный коробок в карман и выбросив сигарету в дорожную канаву, в которой валялся истлевший кошачий труп, Пётр упёрся плечом в красивую кованую ручку, тяжело отодвигая скрипящую дверь, и вошёл внутрь.

Необычный дом. На мгновение Пётр почувствовал себя так, словно уже давно планировал прийти сюда и только что выполнил задуманное. Без помощи

странных безглазых птиц и бестолковых писем, валяющихся на дороге. Ему стало возвышенно, тревожно и одновременно немножко страшно, но выходить он уже не хотел. Он смотрел вокруг и с каждой следующей деталью, с каждым новым предметом, попадающим ему на глаза, его желание всё увидеть и рассмотреть становилось больше и больше. Только несколько мешала отовсюду капающая вода, из-за которой в доме было трудно дышать, что заставило Петра расстегнуть воротничок.

– Не воздух, а губка мокрая... вон, даже вьюны растут.

В некоторых местах по стенам и с потолка действительно спускались узкие зелёные побеги, качающиеся от проникающего через щели слабого ветра. По зелёным стеблям ползли прозрачные капли, звонко падая в небольшие лужицы на зияющем чёрными дырами полу.

И всё-таки... какой интересный и необычный дом. Пётр даже немного разозлился на себя, что никогда раньше не попытался сюда проникнуть. Хотя, конечно же... закрытые двери.

– Кому-то пришло в голову их открыть... – он случайно проговорил эту фразу вслух и тут же услышал глухое эхо, перекликающееся со звоном капающей воды, однократно повторившее последние отголоски сказанных слов. Петру снова стало жутковато. Чтобы сбить ощущение тревоги, он специально начал говорить вполголоса.

– Да... так вот я сейчас повторяю... кто-то должен был открыть, – говоря это, он посмотрел на входную дверь и увидел огромный и массивный засов, который когда-то запирали дом изнутри. Сейчас засов был сдвинут, и можно только предполагать, какие усилия требовались для того, чтобы сместить распухшую от сырости запорную балку. Эхо исправно повторяло окончания сказанных Петром слов, и сейчас он уже говорил, нарочно понижая и повышая свой голос, прислушиваясь к возвращающимся к нему звукам.

Пройдя прихожую, Пётр остановился. Перед ним открылась широкая гостиная с высокими стенами, по которым также струились тонкие стебли вьюнов.

– Растениям солнышка не хватает. И тепла, конечно. Бледные какие-то. Грустные.

Помешкав секунду, Пётр ступил на слегка перекошенный пол, вскрикивающий раздражённым старческим голосом каждый раз, когда он ставил на древние, но крепкие доски свою ногу. Сейчас, немного привыкнув, он чувствовал себя здесь почти хорошо. Даже появилось неожиданное удовольствие дышать этим тяжёлым и холодным воздухом, лежащим на его вспотевшую спину большой зябкой ладонью, не препятствуя при этом рассматривать замечательную старую мебель, которая стояла во всех углах и казалась ещё старше, чем сам дом. Но самое пристальное внимание Пётр уделял висящему на стенах оружию, и скоро ему стало беспокойно за военную роскошь, потому что на самом деле очень сложно представить себе бесхозный дом с таким оружейным убранством на стенах. Это было слишком замечательно, невероятно, невозможно даже.

– Невозможно... – шептал Пётр, пальцами пробуя острия висящих на стенах мечей, собирая с холодного металла водяные капли. – Красота какая... да и мебель, кстати... вот это же шедевр!

Он смотрел на благородный шкаф у стены, в тени которого прятался миниатюрный секретер не менее тонкой работы, а в углу, сдвинутый и повернутый боком, находился огромный раздутый комод или тумба с кривыми ножками, похожими на маленьких, но очень толстых змей. На всё это сверху падали редкие капли воды, мелкими брызгами разбивающиеся о полированную поверхность массивных мебельных стен.

– Замечательно. Просто великолепно. Но и бардак тут у них тоже... знаете ли... агента по недвижимости уволить к чёрту!

От его голоса и возвращающегося одиночного эха дом, казалось, наполнялся шорохами, отчего нервы Петра были немножко напряжены, но это не являлось страхом, скорее – возбуждением, заставляющим пристальнее заглядывать в тёмные углы и внимательно смотреть себе под ноги. Непонятные голоса и еле слышный шёпот – нет, Пётр не мог бы поручиться, что слышал всё

это, но его будоражила мысль, что в доме он не один. В это легко было поверить, учитывая количество находящихся вокруг замечательнейших вещей, пусть и давно брошенных, но всё-таки не испорченных, напротив, абсолютно живых, призывающих подходить близко к каждой заинтересовавшей детали, проводить рукой по влажным поверхностям и снова осторожно пробовать пальцем покрытые мелкими каплями острия висящих на стене мечей, кинжалов и алебард.

Гуляющее по дому эхо, тихий свист воздуха между щелей, звон падающих капель и собственных шагов были причиной того, что Пётр вертел головой из стороны в сторону, словно играя с кем-то в жмурки с раскрытыми глазами. Ему на самом деле казалось, будто он слышит чьи-то тихие голоса, шёпотом переговаривающиеся за спиной, заставляющие его резко оборачиваться и смотреть в сумрак сырых стен, не замечая в них ничего сверхъестественного, но всё-таки в ожидании чего-то волшебного, как это было с ним однажды, очень давно, в детском кукольном театре, происходящее на сцене которого невозвратно стёрлось из памяти. Горячими от волнения щеками он чувствовал прохладные движения воздуха, проникающего в дом через просветы в потолке и стенах, но больше всего Петра заинтересовал раздавшийся вдруг звук, состоящий из мерных и негромких ударов по полу, как будто кто-то легко прыгал на одной ноге.

– Да что же тут... всё-таки... что за игры?!

Пётр уже не верил, что услышанное ему только показалось, он беспокойно оглядывался по сторонам, прислушиваясь к чему-то близкому, живущему совсем рядом с ним. Его взгляд переходил от одного предмета к другому и остановился на пузатой тумбе, похожей на маленький шкаф или, наоборот, объёмных размеров комод, перед которым доски пола были в относительно приличном состоянии, а сама тумбочка выглядела настолько необычно, что Пётр не сдержал удивлённого выдоха:

– Ничего себе... вот это работа!